
HISTORY

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 3–9, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-3-9
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(470.46=512.37)

Buddhist Clergy in Social and Political Life of the Kalmyk Steppe in the Late 18th Century

Andrei A. Kurapov¹

¹ Ph. D. of History (Candidate of Historical Sciences), Deputy Director for Science and Exhibitions, Astrakhan State Consolidated Reserve Museum of History and Architecture (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Abstract

The article examines participation of the Buddhist clergy in social and political life of the Kalmyk uluses and interaction with the government of Russia and regional authorities after 1771. The exodus of a considerable part of Kalmyks to China determined creation of a new system of social and political contacts between the Russian government and Kalmyk secular and clerical elites, a new structure of interaction between Buddhist monastic complexes of the Kalmyk uluses. The measures implemented by the government for isolation of the Kalmyk Buddhist clergy from their coreligionists in China and Tibet and those of the regional authorities aimed at isolation of politically dangerous lamas to prevent further decampment are analyzed in the article. Specific changes in missionary activities of the Russian Orthodox Church in the Kalmyk uluses in the 1770–1780s are investigated. Defined are the main directions of restrictive policies imposed upon the Kalmyk Buddhist clergy by the Russian government at the same time striving to retain constructive bilateral contact in the context of the social and political crises in the Kalmyk uluses. Using a set of unpublished historical records (correspondence between Astrakhan governor N. Y. Arshenevskiy and Sobing-bagshi) formation of the new interaction system between the Kalmyk clerical elites and Astrakhan governors in the 80–90s of the 18th century has been described.

Keywords: Buddhism, clergy, Kalmyk Steppe, government, Astrakhan governor, khurul.

Специфика взаимодействия буддийского духовенства калмыков и правительства России после 1771 г., само существование буддийской общины в калмыцких улусах мало отражены в исследованиях по данному вопросу. После 1771 г. для российского чиновничества буддийское духовенство калмыков перестает быть пусть и временным, но востребованным политическим союзником. Буддийское духовенство небезосновательно подозревало правительство в подготовке новой откочевки и фактически перестало быть субъектом социально-политической жизни региона. Поэтому информация о жизни буддийских монастырей и участии духовенства в социально-политических процессах Калмыцкой степи и в сопредельных регионах в российской межведомственной переписке конца XVIII в. незначительна.

После 1771 г. существенно изменился численный состав калмыцкого буддийского духовенства. Наиболее активная часть клерикальной элиты, многие годы готовившая откочевку, ушла в Китай. Э. П. Бакаева приводит сведения о перевозке в Китай Убашиханом библиотеки и реликвий буддийской общины ханства [Бакаева 2009: 13]. Кризис 1771 г. затронул и внутреннюю жизнь буддийской монастырской системы калмыков, усилив центробежные тенденции. А. И. Карагодин писал о ламах в Яндыковском, Дербетовском, Хошеутовском, Багацохуровском улусах после 1771 г. [1987: 12–13]. М. С. Уланов отмечает значительное ослабление позиций буддизма в калмыцких улусах и возрождение добуддийских верований в этот период [Уланов 2011: 69–70]. По политическим причинам правительством было приостановлено взаимодействие калмыцких буддистов с единоверцами Китая и Тибета. Системное паломничество было прервано на долгие годы: отсутствие контактов с монастырскими центрами Тибета затруднило обучение священнослужителей, процессы культурного обмена и, следовательно, пополнение штатов буддийских монастырей калмыков. Традиционная легитимация клерикальной элиты калмыков инвеститурой тибетских иерархов школы Гелуг также прервалась. В новых условиях источником легитимации калмыцких лам становятся российские императоры. Исследователи отмечают, что одним из направлений ограничительной политики российского правительства по отношению к буддий-

скому духовенству стала политическая изоляция российских буддистов от тибетских иерархов [Вишленкова 1997: 84]. В правительственных кругах с конца XVIII в. считалось, что буддийское духовенство является главным виновником кризиса 1771 г., это во многом и предопределило подозрительное отношение чиновников к буддийским религиозным деятелям. Подобная точка зрения сохранилась в правительственных кругах и в XIX в. В докладе 1823 г. Министерства иностранных дел о положении калмыцкого народа основной причиной откочевки 1771 г. названы оппозиционность светской элиты ханства и содействие этому буддийского духовенства [РГИА. Ф. 1284. Оп. 8. Д. 61. Л. 18]. Кроме того, Е. В. Дорджиева отмечает, что калмыки с начала XVIII в. рассматривались российскими властями в контексте внутренних отношений империи, связь с буддийским миром традиционно игнорировалась [Дорджиева 2008: 975].

Сама социально-политическая ситуация в регионе и система управления калмыками после 1771 г. кардинально меняется, что не могло не отразиться и на буддийском духовенстве. После откочевки Убашихана в Китай Калмыцкое ханство перестает существовать. Калмыцкие улусы, фактически приравненные к уездам, стали частью Астраханской губернии [Максимов 1995: 37]. Губернскими властями создается новый орган управления — «Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких дел» [Белоусов 2009а: 32]. Источники свидетельствуют о тесном взаимодействии губернских властей со светской элитой калмыков после 1771 г., информация о контактах властей с буддийским духовенством калмыков в 70-е гг. XVIII в. отсутствует. Симптоматичным становится содержание переписки астраханского губернатора Н. А. Бекетова с дербетским владельцем Цебек-Убаши. Губернатор обсуждал события 1771 г., обвиняя буддийских священнослужителей в подготовке откочевки Убаши. По мнению губернатора, стремление экзальтированных верующих буддистов, ориентированных на откочевку к центру буддийского учения — Тибету, — это опасная тенденция, которая стала причиной гибели ханства и ухудшила экономическое положение большинства калмыков [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 14. Л. 25]. Губернатор стремился нейтрализовать угрозу новой откочевки, вступая в заочный диспут с духовенством улуса Цебек-Убаши.

Весной 1771 г. российские информаторы сообщали о подготовке новой откочевки духовенством во главе с Самтаном-багшой и Черем-гелюном [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 14, 31].

Рескрипт Екатерины II от 19 октября 1771 г., упразднявший должности хана и наместника, стал итогом многолетней политики правительства, направленной на ограничение самостоятельности ханства. Астраханский губернатор утверждал решения судей Зарго, улусы были распределены по трем уездам губернии — Енотаевскому, Астраханскому и Черноморскому [РГИА. Ф. 1374. Оп 1. Д. 113. Л. 2].

В ситуации сохранения угрозы новой откочевки губернатор Н. А. Бекетов весной 1772 г. прибегает к изоляции наиболее опасных представителей светской и клерикальной элиты калмыков. Так, Цебек-Убаши и несколько лам его улуса были задержаны в Царицыне на несколько месяцев [Белоусов 2009б: 432]. Несмотря на подозрительное отношение к буддийскому духовенству, правительство не активизирует ограничительную политику в 70–80-е гг. XVIII в. В значительной степени это было связано с политической ситуацией в регионе. Война под предводительством Е. Пугачева, в которой принимали участие и приволжские калмыки, обострение социально-политической ситуации в калмыцких улусах — все это повлияло на временный отход от ограничительной политики в отношении буддийского духовенства, была ограничена и миссионерская деятельность Русской православной церкви. Активизация миссионерской деятельности в 60–70-е гг. XVIII в. стала одной из причин кризиса 1771 г. 17 июня 1773 г. был издан указ Св. Синода «О терпимости всех исповеданий», в котором провозглашалось относительное равенство религий, исповедуемых подданными империи, тем самым была сделана попытка снять напряженность в обществе [ПСЗРИ, XIX 1830: 775–776]. Вслед за указом Св. Синода, в 1775 г., Коллегия иностранных дел, курировавшая калмыцкие улусы, отказывается от организации улуса для православных калмыков для изоляции от некрещеных калмыков и буддийского духовенства; указ Сената, вышедший в 1785 г., предостерегал от перегибов в распространении православия в Калмыцкой степи [Орлова 2009: 281].

Секретарь Астраханской духовной Консистории Ф. М. Юштин считал, что указ

Св. Синода с 80-х гг. XVIII в. кардинально поменял тактику распространения православия, сделав миссионерскую деятельность более дипломатичной [Юштин 1883: 22]. Вместе с тем К. В. Орлова на основании сравнительного анализа миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцком ханстве и Калмыцкой степи в XVIII в. делает вывод о том, что с 1771 г. христианизация стала целенаправленной и планомерной [Орлова 2006: 165–166].

На основании решения Кавказского наместнического правления о сокращении численности калмыцкого буддийского духовенства А. И. Карагодин сделал вывод о начале целенаправленной ограничительной политики в отношении калмыцких буддистов в конце XVIII в. [Карагодин 1987: 17].

В период правления Екатерины II начинают формироваться стратегия и тактика управления конфессиями Российской империи, ориентированные на интеграцию в систему государственного управления. Г. Ш. Дорджиева характеризует религиозную политику правительства в Калмыцкой степи в 70-е гг. XVIII в. как осторожную, несмотря на общую активизацию ограничительной политики с 1771 г. [Дорджиева 2012: 62].

Несмотря на ограничительную политику и стремление правительства вытеснить буддийское духовенство калмыков из социально-политической жизни общества, клерикальная элита продолжала активно участвовать в политической жизни Калмыцкой степи.

Значительную роль буддийское духовенство сыграло в политическом кризисе в дербетовских улусах в конце 80-х гг. XVIII в. Смерть нойона Цебек-Убаши в 1785 г. вызывает перевод улусов в разряд казенных и откочевку части улусов на Дон, в дальнейшем — разделение на Большие и Малые Дербеты.

Пытаясь найти виновников в сложившейся ситуации, российское правительство вновь определяет буддийское духовенство улуса инициатором откочевки. Подтверждением этого тезиса для правительства стало нападение на казачий отряд М. Вахнина, расследовавшего беспорядки в Дербетовском улусе, в кочевьях Дунду-хурула в июле 1789 г. [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 4об.]. По сообщениям российских информаторов, буддийское духовенство также подстрекало светскую элиту улуса к отказу

организовать ополчение в действующую армию, представители трех буддийских монастырей (Ики, Дунду, Бага) ответили отказом на просьбу российских властей об изменении маршрутов кочевий [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 4об.–5].

Стремясь нейтрализовать оппозиционные настроения, титулярный советник Л. Петрулин составил список наиболее опасных для правительства представителей светской и клерикальной элиты калмыков. Джаба-гелюнг и Нима-гелюнг, обвиненные в подстрекательстве населения улуса к беспорядкам, попали в этот список [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 64. Л. 18].

Несмотря на обвинения в адрес буддийского духовенства, региональные власти в лице губернатора П. М. Скаржинского призывали к конструктивному взаимодействию с представителями клерикальной элиты, способной стабилизировать ситуацию в улусе [ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 170. Л. 51].

Межведомственная переписка 70–80-х гг. XVIII в. свидетельствует о систематическом взаимодействии региональных властей с буддийским духовенством калмыков. Подобное взаимодействие можно назвать «кризисным сотрудничеством». При возникновении социально-политических проблем в калмыцких улусах буддийское духовенство или представители российского правительства стремились наладить конструктивное взаимодействие для преодоления кризисной ситуации. В условиях стабилизации социально-политической жизни улусов активные контакты прекращались.

Новое обострение ситуации в Дербетовском улусе отмечается в конце XVIII в. Информация о возможном бунте и откочевке улуса активизирует сотрудничество региональных властей со светской и клерикальной элитой калмыков. В 1797 г. губернатор Н. Я. Аршеневский акцентировал внимание пристава Л. Петрулина на необходимости интенсификации контактов с буддийским духовенством и зайсангами улуса для предотвращения политического кризиса [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 5].

Отметим, что на данном этапе буддийское духовенство рассматривалось уже как близкая правительству политическая сила, способная стабилизировать ситуацию. В частности, пристав Л. Петрулин провел ряд встреч с духовенством и зайсангами улуса, предостерегая от бунта и откочевки [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 5об.].

Глава буддийского духовенства улуса Собинг-багша принимал активное участие во встречах представителей региональных властей с властями улуса. Собинг-багша демонстрировал активное стремление к сотрудничеству, отрицая наличие оппозиционных настроений в клерикальной элите улуса [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 5об.]. Кроме Собинг-багши, в списке духовных лиц, активно контактировавших с представителями правительства на этом этапе, упоминался и Орчи-лама [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 17].

Важной формой «кризисного сотрудничества» российских властей и буддийского духовенства калмыков в XVIII в. были личные контакты астраханских губернаторов и буддийского духовенства калмыков. Прямые контакты с калмыцкими ламами осуществляли, в частности, астраханские губернаторы А. П. Волинский и В. Н. Татищев.

В фонде № 1 «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора» Государственного архива Астраханской области (ГА АО) сохранилась переписка астраханского губернатора Н. Я. Аршеневского и Собинг-багши. В своем обращении к губернатору Собинг-багша сообщал об отсутствии оппозиционных настроений в улусе, лояльности светской и духовной элиты правительству [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 25]. В ответном письме губернатор Н. Я. Аршеневский приветствовал верность духовенства, зайсангов и простолюдинов улуса правительству, упоминая о личной встрече с багшой [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 25].

Кроме содействия правительству в стабилизации политической ситуации в калмыцких улусах, буддийское духовенство фигурирует в межведомственной переписке конца XVIII в. как инициатор обращения к властям для сохранения традиционной системы управления калмыцким народом. В 1797 г. зайсанги и калмыцкое духовенство во главе с эркетеневским Орчи-ламой составили обращение к астраханскому губернатору, в котором просили сохранить в улусах действие калмыцкого уложения [РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 113. Л. 12об.].

Уменьшение количества буддийских монастырских комплексов в Калмыцкой степи в результате откочевки 1771 г. активно компенсируется калмыцким духовенством в конце XVIII в. Несмотря на формирование ограничительной политики правительства

в отношении калмыцких буддистов на этом этапе создание новых хурулов не встречало противодействия и не регламентировалось. Г. Ш. Дорджиева отмечает значительное увеличение количества буддийских монастырских комплексов в Калмыцкой степи в конце XVIII в. Среди основанных в это время хурулов числятся Ламрим-Чолинг малый, кочевой хурул Раши Донроб, хурул Раши гемпельлин, хурул Раши Цокбо [Дорджиева 1995: 46–47].

Таким образом, кризис 1771 г. изменил социально-политическую ситуацию в Нижневолжском регионе, стал причиной гибели Калмыцкого ханства и введения новой системы управления калмыцкими улусами. В значительной степени изменились взаимодействие правительства с буддийским духовенством калмыков и отношение к нему. Буддийские священнослужители и буддийское учение рассматривались правительством как источник потенциальной угрозы для социально-политической стабильности калмыцких улусов, что стало основанием для разработки и реализации ограничительной политики. Несмотря на обострение отношений с буддийским духовенством и стремление к его политической изоляции, региональные власти были вынуждены контактировать с клерикальной элитой калмыцких улусов для преодоления социально-политических противоречий конца XVIII в.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Литература

- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыки: основные этапы истории // Буддизм России. 2009. № 42. С. 9–18.
Белоусов 2009а — Белоусов С. С. Восстановление порядка и управления в калмыцких кочевьях после откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 30–33.
Белоусов 2009б — Белоусов С. С. Калмыцкие улусы в последней трети XVIII в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 432–463.

Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань: Изд-во КГУ, 1997. 189 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 128 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Изд-во КГУ, 2012. 203 с.

Дорджиева Е. В. Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII веке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 4. С. 975–982.

Карагодин А. И. Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. научн.-исслед. ин-та истории, филологии и экономики, 1987. С. 5–23.

Максимов К. Н. Калмыкия — субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.

Орлова К. В. Христианизация калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. III. С. 259–291.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 50 т. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XIX. 1083 с.

Уланов М. С. Буддизм и власть в социокультурном пространстве дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 21 (236). С. 69–72.

Юштин Ф. М. Обзорение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань: Изд-во Астрахан. дух. семинарии, 1883. 62 с.

Sources

- GA АО — *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskij oblasti* [State Archives of Astrakhan Oblast].
NA РК — *Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykija* [National Archives of the Republic of Kalmykia].
RGIA — *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives].

References

- Bakaeva E. P. *Buddizm v Kalmyki: osnovnye jetapy istorii* [Buddhism in Kalmykia: the main stages of the history]. *Buddizm Rossii* (Buddhism of Russia), 2009, no. 42, pp. 9–18 (In Russian).
- Belousov 2009a — Belousov S. S. *Vosstanovlenie porjadka i upravlenija v kalmyckih kochev'jah posle otkochevki v 1771 g. v Dzhungariju bol'shej chasti kalmyckogo naroda* [Restoration of Order and Administration over the Kalmyk Nomadic Territories after the 1771 Exodus of the Majority of the Kalmyk People to Dzungaria]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2009, no. 2, pp. 30–33 (In Russian).
- Belousov 2009b — Belousov S. S. *Kalmyckie ulusy v poslednej treti 18 v. Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3 t.* [Kalmyk Uluses in the Last Third of the 18th Century. History of Kalmykia since the Earliest Times up to Nowadays, in 3 vol.]. Elista, Gerel Publ., 2009, vol. 1, pp. 432–463 (In Russian).
- Dordzhieva G. Sh. *Buddizm i hristianstvo v Kalmykii. Opyt analiza religioznoj politiki pravitel'stva Rossijskoj imperii (seredina 17 – nachalo 20 v.)* [Buddhism and Christianity in Kalmykia. A Case Study of the Religious Policy of the Russian Empire's Government (the mid-17th century – early 20th century)]. Elista, APP “Dzhangar” Publ., 1995, 128 p. (In Russian).
- Dordzhieva G. Sh. *Buddizm Kalmykii v veroispovednoj politike Rossijskogo gosudarstva (seredina 17 – nachalo 20 v.)* [Buddhism of Kalmykia in the Confessional Policy of the Russian State (the mid-17th century – early 20th century)]. Elista, Kalmyk State Univ., 2012, 203 p. (In Russian).
- Dordzhieva G. Sh. *Konfessional'nyj vopros v imperskoj politike po otnosheniju k tradicijnoj kalmyckoj jelite v XVIII veke* [The confessional question as part of the imperial policies in its regard to the traditional Kalmyk elites in the 18th century]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* (Proceedings of the Samara Scientific Center of the RAS), 2008, no. 4, pp. 975–982 (In Russian).
- Karagodin A. I. *Kalmyckoe duhovenstvo v 17 – pervoj polovine 19 vv.* [Kalmyk Clergy in the 17th Century – First Half of the 20th Century]. *Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii* [Glimpses of the History of Lamaism in Kalmykia]. Elista, The Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics Publ., 1987, pp. 5–23 (In Russian).
- Maksimov K. N. *Kalmykija — subjekt Rossijskoj Federacii* [Kalmykia as a subject of the Russian Federation]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 320 p. (In Russian).
- Orlova K. V. *Hristianizacija kalmykov* [Christianization of the Kalmyks]. *Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3 t.* [History of Kalmykia since the Earliest Times up to Nowadays, in 3 vol.]. Elista, Gerel Publ., 2009, vol. 3, pp. 259–291 (In Russian).
- Orlova K. V. *Istorija hristianizacii kalmykov: seredina 17 – nachalo 20 v.* [History of the Christianization of the Kalmyks: the mid-17th century – early 20th century]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2006, 207 p. (In Russian).
- PSZRI — *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe: v 50 t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One: in 50 vol.]. St. Petersburg, Printing-house of the Second Department of His Imperial Majesty's Office, 1830, vol. 19, 1083 p. (In Russian).
- Ulanov M. S. *Buddizm i vlast' v sociokul'turnom prostranstve dorevoljucionnoj Rossii* [Buddhism and the authorities in the social and cultural space of Tsarist Russia]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chelyabinsk State University), 2011, no. 21 (236), pp. 69–72 (In Russian).
- Vishlenkova E. A. *Religioznaja politika: oficial'nyj kurs i “obshhee mnenie” Rossii Aleksandrovskoj jepohi* [Religious Policy: the Official Line and “Public Opinion” during the Age of Alexander I of Russia]. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 1997, 189 p. (In Russian).
- Yushtin F. M. *Obozrenie meroprijatij pravitel'stva k rasprostraneniju hristianstva mezhdju kalmykami* [Review of Governmental Measures to Advance Christianity among the Kalmyks. Astrakhan: Publishing house of the Astrakhan Theological Seminary]. Astrakhan, Astrakhan theological seminary Publ., 1883, 62 p. (In Russian).

УДК 94(470.46=512.37)

БУДДИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В КОНЦЕ XVIII в.Андрей Алексеевич Курапов¹

¹ кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и экспозициям, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник (Астрахань, Российская Федерация). E-mail: Akurapov78@ Rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются участие буддийского духовенства в социально-политической жизни калмыцких улусов и взаимодействие с правительством России и региональными властями после 1771 г. Уход значительной части калмыков в Китай обусловил создание новой системы социально-политических контактов правительства России со светской и клерикальной элитой калмыков, новую структуру взаимодействия между буддийскими монастырскими комплексами калмыцких улусов. В статье анализируются меры, предпринимаемые правительством для изоляции буддийского духовенства калмыков от единоверцев Китая и Тибета, а также региональными властями для изоляции политически опасных лам для предотвращения новой откочевки. Исследована специфика изменения миссионерской деятельности Русской православной церкви в калмыцких улусах в 70–80-е гг. XVIII в. Определены основные направления формировавшейся ограничительной политики правительства России в отношении буддийского духовенства калмыков при стремлении к сохранению конструктивных двусторонних политических контактов в условиях социально-политических кризисов в калмыцких улусах. На основании комплекса неопубликованных исторических источников (переписка астраханского губернатора Н. Я. Аршеневского и Собинг-багши) охарактеризовано формирование новой системы взаимодействия клерикальной элиты калмыков с астраханскими губернаторами в 80–90-е гг. XVIII в.

Ключевые слова: буддизм, духовенство, Калмыцкая степь, правительство, астраханский губернатор, хурул.